

18+

Таня Цветил

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ НАСТОЙКА



Ганс Цвейг

Электрическая Настойка

«Издательские решения»

Цвейг Г.

Электрическая Настойка / Г. Цвейг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900114-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Электрическая настойка» — первая книга писателя Ганса Цвейга. Психоделическая повесть рассказывает читателю об одновременно пугающих и привлекательных сторонах жизни. О вещах, возможно всегда сосуществующих с нами в привычной действительности, но притом засекреченных нашим собственным разумом. Радость и отчаяние, бессмыслица и рационализм — всё это крутится на одной и той же пластинке повседневности, подслащенное магическими ритмами.

ISBN 978-5-44-900114-6

© Цвейг Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Электрическая Настойка

Ганс Цвейг

Пусть страждущий беспокойный ум не ищет привязки к своим реалиям, ибо любое совпадение персонажей и явлений с реальными людьми или событиями не более чем надуманная случайность.

Иллюстратор Против Хельга

© Ганс Цвейг, 2020

© Против Хельга, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4490-0114-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Я брёл в раскидистой тьме, словно призрак. Летел, не чувствуя почвы. Это поднебесье может сделать тебя бесчувственным. Его купидоны анестезируют невидимыми стрелами. И немногие грезят о том, чтобы вернуть утраченное. Но ты обнаруживаешь это глубоко внутри, или наслаждаешься тем, чего нет. Фантомные боли заманивают в сумрак, рождающий смутные надежды.

Все засыпают, бессознательно надеясь не проснуться. Но их надежды тщетны и напрасны. Новый рассвет не сулит чудесного воскресения, но отмеряет ещё один день. Вечная кома, в которой все пребывают.

В это время город становился безлюдным и одиноким. И я, такой же одинокий, шёл по нему, вдыхая сумеречные ароматы грёз. Вне суеты и тревоги, способных отвлечь от прогулки по едва освещённым улицам. Фонари тускло выхватывали лишь небольшие области, оставляя место для полёта фантазии. В такие моменты всё казалось загадочным и зловеще привлекательным. На город напознала тень, показывая его манящим и захватывающим. Это прекрасно гармонировало со звучащими в голове мелодиями. Они напоминали пение валькирий, раздающееся по всей вселенной бесконечным эхом. Едва уловимое, но помогающее мыслить в интересном векторе.

Я окидывал взглядом каждый тёмный угол, каждый участок асфальта, каждое дерево, устремившее ветви навстречу алмазным россыпям, сияющим холодным электричеством. Что-то скрывалось за всем этим. И где-то совсем неподалеку творились удивительные вещи. Их мистическая аура тоскливо развеивалась в воздухе.

Но что же делать?

Как постичь эти таинства ночи?

Как ощутить их потоки, и ринуться навстречу неизведанному?

Ответ не всплывал сквозь глади волн светлой грусти. Мною постепенно овладела необъяснимая и безмятежно сладкая меланхолия. Ни надежды, ни отчаяния, лишь влечение атмосферой мрака. Я тонул и растворялся поглощенным лучом в её чёрных дырах. Вечность неизмерима шагами, но я двигался. Беспредельная стихия захватывала с головой. Она вползала в меня через глаза и влетала вместе с дыханием. Мы становились одним целым и навсегда смешивались. Тьма моих зрачков – её капли, признаки её жизни во мне. Тогда она стала моим скелетом, сердцебиением и сознанием. А я – пустотой её атомов, ещё одним битым пикселем. Мы символизировали Инь-Ян. Смешавшись с тьмой, я стал космосом. Пути назад сторел в черном пламени явления, таившего в себе всё и ничего. Пространство, улыбаясь, мягко намекало о своей иллюзорности и, в то же время, всеобъемлющей сущности.

Ни конца, ни края. Но никакое состояние не является последним. Оно плавно перетекает в другое, передавая эстафету. Как в тот раз, в форме света, вызывающего к себе...

Я стоял в переулке, замороженный видом полной луны. Она избежала эктоплазменного плена грязных туч, как и я той ядовитой тьмы. Невесомый свет рассыпался по окрестным твердым стенам. Пока пыльные облака, едва касаясь, проплывали мимо, её серебристо-жёлтое гало простиралось к звёздам. Этот образ бесконечно пьянил своей таинственной безмятежностью. Сколько взоров притягивало это небесное светило за всё время его существования? Сколькие ловили своё отражение в этом бледном лице. Чётко проступающий белый круг защищал мою

проекцию от сил тьмы. Я долго стоял и созерцал спутник, пока не отвлекся на шум, доносившийся с другой стороны улицы.

Изломанная симфония смеха и радостных криков. Я отвел глаза от сферы и заинтересованно вгляделся через дорогу. Ещё несколько мгновений назад, на улицах воцарились отсутствие и безмолвие, но лунный свет вернул жизнь на землю. Всё произошло плавно и осознанно, не вызывая испуга или смятения. Начиналось самое интересное. Луна оказалась счастливой монеткой в чёрном пирожке ночи.

Я принялся всматриваться через дорогу. Мой взгляд пал на небольшую компанию, человек из десяти – нескольких девушек и парней. Благодаря лунному свету, ниспадавшему на них, была возможность немного их рассмотреть. Внешний облик незнакомцев вызывал не меньше интереса, чем то, чем они занимались. Передвигаясь со средней скоростью, подпрыгивая и пританцовывая, они явно были чем-то обрадованы и даже одурманены. Слабо вырисовывающиеся силуэты вдруг приостановили хаотичные смешки и выкрики. Незнакомцы, словно по команде, принялись скандировать хором:

Эй, незнакомцы,
Пойдёмте гулять!
На крыльях мечты
Под луною летать

Я насторожился, услышав призыв, но больше удивляло, что я знал эти строчки. Они выскользнули из потаенных углов моей памяти, ровно так же, как всплыли из пучин небытия эти незнакомцы...

Мистикой веет,
Покуда над нами
Аспидно реет
Космоса знамя

Непонятно, к кому они взывали, и на их предложение никто не откликнулся, потому что сделать это было некому. На улице не было ни души, не считая меня. По крайней мере, пока что я больше никого не заметил. И только окружавшие их дома смотрели свысока темными глазницами окон. Смех и выкрики незнакомых весельчаков сменились начатыми строками:

Забудьте на вечер
Домашний уют
И звёзды и ветер
Вам песню споют

«Видимо они обращались к тем, кто сейчас дома. Что ж, значит я точно не в игре. Хотя, постойте-ка, может они меня ещё не заметили? Или заметили, но я им не интересен?»

Шагают в лучах
Пожара Венеры
С дымом в очах
Визионеры

«Ну что ж», – подумал я, «за ответом остается идти только в одном направлении – по ту сторону дороги, иначе вопрос так и останется открытым», и двинулся напрямик к ним. К Потусторонним. To the Otherside.

Они будто и не заметили меня, не смотря на то, что луна довольно хорошо освещала улицу. Во всяком случае, лучше тусклых фонарей. Я не спеша пересек серое полотно, и настиг тех веселых проказников. Все они двигались вразнобой, кто-то из девушек шёл спиной вперед, кто-то подпрыгивал на месте. Все они крутились, смеялись и почти безостановочно о чем-то говорили и шутили. Их самородное и такое неподдельное веселье резко вернуло меня из того экзальтированного состояния, в котором я бродил в потемках. А может быть это просто была следующая ступень того состояния?

И вот несколько глаз заметили меня. Все те ребята были на вид примерно моего возраста, и выглядели достаточно бодро и свежо. Ещё бы, ведь смех продлевает жизнь! Девушки выглядели очень привлекательно, а юноши благородно и жизнерадостно. Один из них тут же подмигнул мне и протянул бутылку.

– Что это? – спросил я у него.

– Земляничное пиво. Не бойся, чувак, оно не отравлено.

Я взял её, слегка улыбнувшись и кивнув в знак благодарности, отвинтил пробку и сделал первый глоток сладкого освежающего напитка. Мною тут же было замечено, как две девушки исподтишка посмотрели на меня, что-то друг другу прошептали, и захихикали. Я надеялся, что они смеются не надо мной. Так себе удовольствие быть объектом насмешек, к тому же для незнакомых людей. Не то что бы я не любил незнакомцев, скорее совсем наоборот. Сколько себя помню, они всегда меня интересовали и привлекали. Я словно даже искал этого всю свою жизнь. Жаждал, чтобы где-нибудь в парке, или в кафе, или просто на улице, ко мне подошел какой-нибудь загадочного вида человек или группа людей, после чего я был посвящен в нечто сакральное. Мне казалось, что в этом стремлении нет ничего удивительного. Как может не притягивать нечто интригующее, за завесой тайны?

Тем не менее, подружки заметили, что я нахожусь в некотором смущении и заговорили со мной. Как водится в таких случаях, они начали с самого тривиального.

– Хэй, дружок! Как тебе погода, м? По-моему, классно подходит для прогулок в тёмное время? – спросила первая, с красными волосами, чуть опуская рукой свои круглые темные очки и подёргивая бровями.

– Да, в самый раз. Иначе бы я, вероятно, не откликнулся на ваш зов.

– Зов городских джунглей! – засмеялись они обе в ответ, друг другу в лицо, Девочка С Красными Волосами и Девочка С Синими Волосами. Сочетание цветов их волос напоминало магнит и я, такой металлический по своей натуре, уже чувствовал силу их притяжения.

Я уже стал немного привыкать к компании и потихоньку их разглядывать. Первое, что я заметил, это именно цвета волос девушек – их было ровно семь и волосы каждой были определенного цвета радуги. Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидит Фантом. Я решил взять на себя инициативу в продолжении разговора, чтобы показать им своё расположение. Благо, паузы не затягивались. Их не было вообще благодаря музыкальному смеху и свисту моих спутников. Они делали это так слаженно и гармонично, что напоминали мне странствующий оркестр.

– У природы нет плохой погоды. Иногда даже в бурю можно сидеть дома, в полной темноте, и любоваться как небеса извергают дождь и молнии... – заметил я вслух.

– О, Ваш взор привлекает небесное электричество, сударь? – в беседу вступила Девочка С Оранжевыми Волосами.

– Хм... Да, вроде того.

Тут в полилог включилась Девочка С Жёлтыми Волосами, всем своим видом показав абсолютную заинтересованность:

– Мне кажется, или тут кто-то завёл речь об электричестве?

Я почти проигнорировал её и стал отвечать Той, Что С Оранжевыми Волосами.

– Ну, как вам сказать... Меня привлекает многое из того, что происходит или находится наверху. Небесное электричество далеко не единственная вещь.

– А что тебя ещё интересует? – спросила Девочка С Жёлтыми Волосами.

– Ну, например, звёзды. Правда, я не очень силён в определении созвездий...

– Что ты имеешь в виду?

– Я знаю некоторые названия, запомнившиеся мне по книгам, увиденным ещё в детстве. Вроде бы, мы также что-то проходили в школе. Но я не знаю точно, что где находится и как называется...

– Для тебя это столь принципиально? – вмешалась Девочка С Красными Волосами.

– Эм, нет, не совсем. Но я думал...

– Думал, но не задумывался. Ты ведь совсем не похож на человека, который хочет жить в заложенных кем-то рамках. Названия этих созвездий придумали такие же люди, как ты, с точно таким же правом на весь окружающий мир. Давая имена звёздам, они гнули только свою линию, даже если за эти имена проголосовали их единомышленники. А что мешает тебе сделать то же самое? Назови их так, как хочешь того ты сам. – подытожила Девочка С Красными Волосами.

– Пожалуй, ты права. Возможно я займусь этим, но позже. А пока что мне премило смотреть на них даже и не зная их имён. Кстати, та же ситуация и с вами, приятные незнакомцы. – улыбнулся я.

– Это ты правильно заметил, если ты понимаешь о чём я. – вновь опустив рукой свои очки, заметила Девочка С Красными Волосами. – Ну да ладно, я Супербия.

– А я Ира. – ответила Девочка С Оранжевыми Волосами.

– Я Ваняглотрия. – Девочка С Жёлтыми Волосами.

– Ацедия. – Девочка С Зелёными Волосами.

– Инвидия. – Девочка С Голубыми Волосами.

– Лакшерис. – Девочка С Синими Волосами.

– Аварития. – Девочка С Фиолетовыми Волосами.

– Но если тебе будет сложно запомнить их имена, то просто называй их по ярко выраженным внешним признакам: Краснуха, Рыжуха, Желтуха, Зелёнка, Голубика, Синька и Фиолетка. – засмеялся один из трёх парней, высокий брюнет в длинном чёрном пальто, с начёсом на голове и булавкой в ухе, – А меня зовут Дип Грейв. Такое имя нетрудно запомнить, ха-ха, но можешь звать меня просто Грейв. А эти двое весельчаков рядом со мной – Джек и Коул.

Двое весельчаков приветливо улыбнулись.

– Тод. – представился я.

– Ну вот и замечательно, Тод. – сказал светловолосый Джек.

– А теперь продолжим наш путь. – предложил всем Коул.

– А вы разве больше никого не ждёте? – изумился я.

Некоторые из девиц снова захихикали, другие, казалось, и не переставали, прерываясь лишь на то, чтобы переброситься парой фраз или отхлебнуть земляничного пива из своих бутылок. Некоторые элементы их одеяний играли бликами отражающихся фонарных ламп. Я потихоньку разглядывал новых друзей. Все они были одеты довольно необычно, но стильно.

– Да вроде бы нет. – пожал плечами Грейв. – Ты же уже с нами.

– Но у меня было ощущение, когда я услышал вашу песню... – начал было я, но Грейв прервал:

– А вот с этого места поподробнее. Я хочу, чтобы ты максимально точно передал сейчас своё ощущение. Не то, которое ты хотел описать сперва, а то, в котором ты пребывал до того, как мы потревожили тебя своим появлением.

– Своими словами? – случайно вывалилось из меня.

– Ну, можешь и чужими. – ответил он же, ничуть не смутившись.

– Да, могу и чужими. – уже сознательно закивал я. – Ну так вот, есть один отрывок в моей памяти, который очень близко передаст моё недавнее состояние, потому как сам я пока что не в состоянии описать его своими силами.

И тут девушки замерли и стали прислушиваться, а я начал:

– сон о «Горе Мьен Мо», где стаи летучих лунных коней в поэтически развевающихся накидках кружат вокруг вершины на высоте «тысячи миль» (как говорилось во сне), там на вершине в одном из призрачных снов я видел огромные каменные скамьи в надмирной лунной тиши словно некогда принадлежавшие богам или великанам но давным-давно опустевшие, покрытые пылью и паутиной, и зло скрывалось где-то в глубине пирамиды...

Все они увлеченно слушали меня, а потом Девочка С Какими-то Волосами сказала мне:

– Продолжай.

Я вставил следующую часть отрывка, более подходящую к моим ощущениям:

– ...и уханье сов в старых дуплистых стволах туманной чащобы на том конце каньона, куда я так и побоялся ходить – Это неприступный отвес у подножья Мьен Мо и дальше грубо скрюченные мертвые деревья и непролазный кустарник и заросли вереска Бог знает насколько глубокие, с тайными пещерами которых никто никогда не исследовал, даже индейцы X века – И огромный разлапистый папоротник среди разломанных молнией хвойных гигантов; мирно идешь по тропе и вдруг совсем рядом вырастает черная, тронутая вьюнком поверхность утеса – И океан нависает откуда-то сверху, так же как порт на старинной гравюре всегда выше города...

И вот, кажется, всё. Я закончил и Супербия, Девочка С Красными Волосами, промолвила:

– Ты и правда тот, кто нам нужен.

– Правда? – слегка удивился я. Это было правда слегка, потому что втайне я на это с самого начала и надеялся.

– Воистину. Ты довольно чуткая натура. Потому что для кого всё это вокруг, если не для созерцателя! – продолжила за Супербией Ацедия, Девочка С Зелёными Волосами.

– Вот уж точно. – согласился я.

– И сейчас тебе посчастливится созерцать кое-что очень прелестное. – подмигнула мне Лакшерис, Девочка С Синими Волосами, и, схватившись за лямки, принялась снимать свой рюкзак. К слову, она была не единственной, кто был с бэгом, и, при том, остальные обладатели оных тоже стали расчехлять свои и что-то доставать из недр. Я обратил внимание, что мы остановились в тихом переулке (хотя, этой ночью любое место было тихим). Тут даже было куда присесть – различные бетонные выступы спусков в подвал, вентиляционные шахты и прочие культы необъятных телес Города. И вот, Дип Грейв, покачиваясь и перемигиваясь с Джемом и Коулом, достал из своей заплечной сумки огромный бумбокс, обклеенный стикерами, и нажал на кнопку. Тут же зазвучала музыка, что-то мрачное и ритмичное, вроде дарквейва. Все три парня тут же по очереди отбили хайфайв друг другу, а потом ко мне повернулся Коул и окрикнул:

– Эй, Тод, тащишься по такому?

– Ха, ну ещё б! – радостно выпалил я.

Тем временем девицы не терялись за бездельем – они достали баллончики с краской и принялись рисовать на стенах. Этим занялись Супербия, Лакшерис, Ванаглория и Инвидия. Аварития и Ацедия стояли поодаль, ближе к парням и магнитофону, танцуя друг напротив друга под доносившуюся музыку. А куда же подевалась Ира?

Ответ на этот вопрос явился сам собой, когда я почувствовал, как меня ухватили за плечо. Развернувшись, я увидел Девочку С Оранжевыми Волосами, с улыбкой протяги-

вающую мне новую бутылку земляничного пива. Это произошло так неожиданно, что я, по неловкости, выронил предыдущую, которая и правда незаметно опустела и выскользнула у меня из пальцев. Её незапланированный полёт навстречу асфальту закончился резким звуком битого стекла, от которого я отпрыгнул, боясь пораниться. Сидящий на бетонном выступе у стены Грейв швырнул свою бутылку прямо в стену, ничуть не дёрнувшись от звука резлетающихся зеленоватых осколков, и протянул, закуривая сигарету:

– Не бойсь, она из сахарного стекла. – огонёк его сигареты был фиолетовым, как и пламя зажигалки, от которого он прикуривался.

– Ага! – тут же загоготал Коул, откусывая горлышко своей бутылки и довольно, с безумным взглядом жуя его.

Я лишь беззвучно рассмеялся на всё это. Четыре затылка разноцветных волос – красных, синих, жёлтых и голубых – двигались у стены, на которой уже постепенно стало вырисовываться чёткое изображение. В бумбоксе одна композиция сменилась другой, в тексте которой было что-то про розы. Незанятые наскальной живописью девушки тут же схватили свои бутылки, с громким смехом разбили их нижние части об асфальт, оставив себе по «розочке», и принялись играючи сражаться на них, тыча ими друг другу в лицо. Ну что ж, сахар если и может быть опасен, то не в данной ситуации.

Пока на заднем плане то и дело раздавались шипящие звуки аэрозолей, Ира всё ещё стояла рядом со мной. Меня так и подмывало с ней заговорить, утомить её потоком назревающих в моей голове вопросов, как не самую занятую из всех присутствующих, но я не знал, с чего начать. А она стояла передо мной, сдержанно улыбаясь, то поднимая, то опуская взгляд. Я так и молчал, чуть двигаясь в ритм звучащей музыки, разглядывая Девочку С Оранжевыми Волосами. Её красивое бледное лицо было едва освещено лунным светом, глаза под рыжими бровями накрашены голубыми тенями, как и губы – такой же голубой помадой. В крыле носа была круглая серьга, и ей шло. Девушка была одета в чёрно-белые кеды, сине-чёрные варёные джинсы и чёрную блестящую косуху, на которую было несколько значков: один чёрный, с белой надписью «PARANOID», ещё один, белый, с изображением жёлтого смайлика (символ, первоначально используемый как опознавательный знак в местах, где продавали ЛСД в шестидесятых), и еще один, розовый, с названием группы чёрным шрифтом – Crystal Stilts. Как ни странно, мне тоже нравилась эта группа. Но вообще мне почему-то казалось, что вкусы с этими ребятами у нас очень схожи, если не идентичны. Это несказанно радовало и окрыляло потусторонним энтузиазмом. С другой стороны, мне также было не менее интересно почерпнуть у них что-то новое, либо самому обрадовать их тем, чего они ещё не слышали или не видели.

И всё-таки осмелился прервать обоюдное с Оранжевоволосой Бестией молчание:

– Благодарю за пиво! И правда, оно очень вкусное.

– Ага, и освежающее... – улыбнулась в ответ Ира, и вдруг, глянув вправо от меня, округлила свои зелёные глаза: – О, они уже почти закончили, – она показала рукой в сторону стены, где уже и правда всю красовалось граффити, сделанное флуоресцентной краской. Надпись гласила: «COOL KIDS CAN'T DIE». Буквы были чёрные и объёмные, а фон в стиле маек «тай-дай». Сделав заключительные штрихи, девчонки дружно закричали нечто вроде «Еееее!» и принялись обниматься, радуясь выполненной работе. Мы с Ирой, Ацедией и Аваритией подошли к стене, созерцая рисунок, и захлопали в ладоши. Я не мог молчать:

– Браво! Это что, флуоресцентная краска?

– Ага, – кивнула Супербия.

– Чтобы эти приколы были видны только ночью. – добавила Лакшерис.

– Только для истинных тусовщиков. – глядя на всех нас подмигнула Ванаглория.

– КЛЁВЫЕ ДЕТКИ НЕ МОГУТ СДОХНУТЬ! – озвучила надпись Инвидия.

Тут подскочили сидевшие и всё это время обсуждающие какие-то свои темы парни, и мы дружно чокнулись бутылками. После нескольких глотков кто-то закурил. Я уже не удивлялся,

когда видел огоньки сигарет, отличные от привычного оранжевого. И тут, выдыхая сизый дым, Супербия, в которой чувствовался лидер, заметила:

– Тут всё сделано, пойдёмте дальше. Мы же гуляем, как-никак, так что к чему сидеть на месте!

Все заулыбались, и, дружно обнявшись, поскакали прочь из переулка под жужжащие звуки дарквейва, доносившиеся из динамиков бумбокса, закинутого на плечо Дип Грейва.

За шутками, смехом и музыкой, мы незаметно пересекли несколько скрытых тьмою кварталов. Последовавшая за ними старая часть города предстала грядами уютных, но как будто безжизненных жёлтых и оранжевых пятиэтажек. Краска их шершавых, местами потрескавшихся стен не была яркой, а напротив, с годами размылась от дождей и стала блёклой. В стеклах темных окон отражались худые деревья, растущие напротив, и всё тот же тусклый цвет фонарей. Весь район состоял из нескольких рядов таких построек, иногда разделяемых проходами закрытых квадратных площадок. Старый город – храм ночи, потаённый под раскинувшимся звёздным небом.

Я шёл, ведомый отрядом новых друзей, погружённый в какую-то мечтательно-лёгкую грусть, и глядел на эти неприкаянные старые здания. Меня насыщала атмосфера загадочно-увеселительной прогулки, и я пытался запечатлеть этот момент, чтобы он протянулся как можно дольше.

Мы прошли сонный, словно забытый всеми район, и упёрлись в длинную кирпичную стену какого-то здания. Почти по всей её длине росли дремучие раскидистые деревья, но один промежуток был свободен от них. Именно тем участком и заинтересовалась Ацедия. Достав из кармана своего чёрного плаща небольшую ёмкость с маркировкой «gasoline», она облила в виде слов открытый участок стены, и подожгла своей зажигалкой. Буквы сложились в горящую голубым огнём надпись «She fell asleep and got lost in WONDERLAND». Все наблюдающие дружно замурлыкали в одобрительных причитаниях. Аудиосистема Грейва переключилась на другой трек, уже не такой мрачный, как предыдущие, а с более мечтательным звучанием. Все вместе, мы стояли, курили свои с разноцветными угольками сигареты, пригубляя из бутылок, и бесконечно смотрели на голубые язычки пламени граффити, освещавшего тьму у стены. Я понял, что почти не общался с парнями, ведь всё моё внимание было захвачено неземным очарованием девушек, и направился к Коулу, Джезу и Грейву. Они обсуждали музыку, но тут же переключились на меня, когда подошёл к ним.

– Как настроение, Тод? – улыбнулся мне Джез.

– Странно, – протянул я.

– А разве это плохо? – выдохнул блестящий дым Грейв.

– Отнюдь. Это то, чего я и хотел!

– Ну так давайте продолжим это удовольствие. Погнали, друзья! – махнул Джез, и мы восторженно вернулись в водоворот ночных улиц, хлестая свои земляничные напитки и круша об стены бутылки из сахарного стекла.

Самое удивительное, что никто не проснулся от издаваемого нами шума. Ни одно из тёмных окон не загорелось, ни один крик не прорезал пауз между нашими воплями. А мы всё так же вприпрыжку пересекали городские улицы и кричали нараспев:

Шагают в лучах
Пожара Венеры
С дымом в очах
Визионеры

Но в какой-то момент Коул, забежав вперёд, остановил нас, махая руками:

– Хэй, сумасброды, остановитесь-ка! Теперь наша очередь украшать реальность.

И он достал из карманов своего пиджака какие-то фонарики. Его примеру последовали Грейв, Ира и Аварития. Мы стояли в точке, где город разделялся железной дорогой на две части. И в этой тьме, среди кустов, четверо уличных художников решили претворить в жизнь свои идеи.

– Что вы делаете? – засмеялся я.

– Это фонари на лунных батареях, – ничуть не смутившись объяснил Джек, – работают благодаря свету Луны.

– По аналогии с солнечными батареями, – добавила Ира.

Спустя несколько общих манипуляций ребята включили воткнутые в землю фонарики, и они загорелись надписью. Прямо в воздухе образовалось граффити, гласящее: «WHERE R U?». Теперь оно будет гореть по ночам, когда светит луна. И очевидно, как и рисунок из флуоресцентных красок, его смогут увидеть только такие же ночные тусовщики, как я и мои новые друзья.

После этой небольшой арт-передышки все продолжили путь – за железную дорогу, через кусты и тропы, к другой части беспробудно спящего города. Кроме нас здесь не гулял даже ветер. Как будто вся реальность видела уже седьмой сон. Мы проплыли в одну из тёмных арок, когда Джек вдруг прекратил шествие:

– Если мой взор не обманывает меня, то мы уже пришли.

– И что же ты видишь? – спросил я.

– Красные окна.

– Но что это значит?

– Не так уж много окон сейчас горит. – ответила Аварития, Девочка С Фиолетовыми Волосами.

– Если окна жёлтые – это просто не спят очередные скучные люди. – продолжила Ванглия.

– Если синие – значит кто-то смотрит своё телевидение. – пожала плечами Лакшерис.

– А в красных окнах происходит самое интересное. – вновь, опустив очки рукой и подмигивая, закончила Супербия.

Я тут же перевел свой взгляд чуть выше неё, на дом, похожий на ветхий замок готической архитектуры. Мы совсем незаметно достигли его, так же незаметно пройдя через несколько улиц города, объятого сладким сном. Прогулка не заканчивалась, а просто переходила на новый уровень.

Поднимаясь взором на сколько-то этажей, я заметил несколько окон, из которых вяло тек красный свет. Вот это да! Неужто нас там и правда поджидает нечто привлекательное?

– Смелее, Тод! Дай мне свою руку. – сказала Супербия, приглашая меня вслед за ними. Кто-то из ребят уже распахнул тёмную деревянную дверь, и весёлая толпа, вспыхивая яркими сиюминутными фейерверками смеха, хлынула внутрь таинственного подъезда. Я протянул руку Супербии и почувствовал приятное тепло её ладони. Она слегка улыбнулась, опустив глаза под очками, и, развернувшись, повела меня за собой.

Внутри было темно: подъездные лампы слабо освещали пространство вокруг себя, создавая поистине интимную атмосферу завораживающего мрака. Тьма манила и щекотала нас своими мертвыми частичками. Я потихоньку следовал за Супербией, не отпуская её руки, а все остальные, кто шёл перед нами, преодолевали лестничные ступени скачками. При этом они не уставали бесконечно смеяться, болтать и что-то напевать. Очувтившись то ли на пятом, то ли на шестом этаже, мы прошли мимо пыльных запаутиненных дверей заброшенных кем-то квартир. Приблизившись к стене, я заметил опознавательный знак – молнию в треугольнике. Он был похож на те, которые можно увидеть в других домах, где есть электричество. Различие было в том, что сам треугольник был не желтым, а в цветах тай-дай. Увидев его, Супербия произнесла:

– Да, это здесь. Ну вот мы и пришли...

Отпустив мою руку, и достав из кармана куртки ключ, слабо отливавший металлическим блеском в свете едва горящих лампочек, она вставила его в замок одной из дверей и пару раз провернула. На мгновение мне показалось, что из замочной скважины посыпались искры. Но когда дверь распахнулась, я понял, что это не галлюцинация: откуда-то из углов дверного проёма вылетело несколько искр, вроде тех, которые бывают у горящих бенгальских огней. Мне было предложено посетить их таинственное логово, и я был весь в нетерпении. Все вместе мы прошли в прихожую, залитую алым светом и принялись снимать куртки, оставляя их на вешалках.

– Чувствуй себя как дома. – снова улыбнулась мне Супербия, и, как будто почувствовав моё нервное возбуждение, добавила: – Don't panic!

А я и не думал паниковать. Я чувствовал себя словно аквалангист, нырнувший куда-то, где глубоко и прохладно, и вот наконец-то нашел теплую пещерку. Наш досуг шел размеренно. Так, как я то и любил, но редко или даже никогда не встречал в жизни.

А там была как будто и не жизнь. Как будто я ушел в глубокий медитативный сон, задержал дыхание и отправился в полет по бескрайним астральным дебрям.

Кто знает, может так оно и было?

В любом случае, меня ничто не тревожило, посему я не утруждал себя лишними домыслами.

Минув темный коридор с угадывающимися входами в другие комнаты, мы прошли в гостиную с круглыми стенами. Да, верно, эта комната была круглой и очень большой. По сторонам, выходящим на другую часть дома, были три вытянутых окна и два выхода на балконы. Также было и окно в потолке, такое же круглое, как и сама комната. На стенах висели всевозможные изображения разных интересных, но неопознанных мною вещей, и облокачивался книжный шкаф, с рябью корешков, завладевающих любопытством. В то время как мои новые знакомые расположились вместе с бутылками на устланном пушистым ковром полу, я двинулся к шкафу с книгами и пластинками. Чувствовалось, что это собрание самой интересной и завораживающей как музыки, так и информации. Ко мне, стоящему у шкафа, подошёл Дип Грейв и предложил:

– Давай что-нибудь поставим?

Я кивнул, и его пальцы заскользили по рядам записей.

– О, это то, что нужно, – заключил он, вытаскивая красочный разноцветный конверт, вверху которого дугой значилась надпись «The Electric Lucifer». Лёгкими движениями он выудил из него чёрную блестящую пластинку и зарядил в проигрыватель, стоящий между шкафом и стойкой с выключенным и круглым не то телевизором, не то монитором.

Заметив мой удивленный взгляд, брошенный на его форму, Девочка С Синими Волосами разъяснила: «это наш телемавизор», добавив также, что включать его нет необходимости, ведь чаще всего в кинескопе можно увидеть прорывающееся сквозь бирюзовое пламя лицо ведущего, называющего всех зрителей звёздами. Она добавила, что иногда он протекал – из дисплея сочились струйки жидкого нойза – цветных телемавизионных помех.

Грейв нажал пару кнопок и из колонок, расставленных по всей комнате, зашелестели гитарно-электронные звуки психоделической музыки. Одобрительно кивнув, отмечая солидарность с музыкальным выбором моего нового друга, я вновь повернулся к шкафу, рассматривая содержимое полок. Тут было множество как известных мне групп и исполнителей, так и изрядное количество таких, о которых и не слышал, но очень хотелось. Желание вызывали как названия групп и релизов, так и сами арты пластинок. За спиной я услышал вопрос:

– Тебе нравится наша коллекция, да?

Спрашивала Девочка С Красными Волосами. Я радостно восхитился:

– О, да, чёрт возьми! Нечасто встретишь кого-то с таким хорошим музыкальным вкусом! Давно об этом мечтал...

Супербия смущённо прикрыла глаза. Было видно, что ей очень лестно. Но это была не лесть, а самое настоящее искреннее признание фактов. Всё, что я любил, или что ещё суждено было полюбить, находилось здесь. Да ещё и в виде винила, а не плёнок или файлов, что, как известно, лучший носитель из существующих. По крайней мере, как было известно мне. Стоя у этого Ящика Пандоры, я еле оторвался от музыкальной коллекции, и перешёл к книгам. Не все они могли похвастать визуальной составляющей, как обложки пластинок, но их названия завладевали вниманием. Книги по магии граничили с фундаментальными трудами именитых философов, священными писаниями неизвестных цивилизаций и «Поваренной Книгой Анархиста».

Переливался и сверкал корешок огненных букв, гласящих: «АСТРАЛЬНАЯ БИБЛИЯ».

Некоторые были из сжиженного до состояния резины геля, а то и просто прозрачные, пластмассовые, металлические и из других непривычных материалов, некоторые были чем-то вроде жидкости, заключённой в сосуды книжной формы. Были и книги состоящие из такого, чего я никогда не встречал в жизни. Я бы не удивился, если бы нашёл здесь чтиво из чёрной материи, а то и антиматерии. Пожалуй, самым банальным экспонатом была книга с названием «Сонник». Я взял её в руки только потому, что своей неприметностью она выделялась среди остальных. Открыв, я увидел, что все страницы – чистойшей воды зеркало, на котором отсутствовал какой-либо текст. Пролистав книгу до конца, на внутренней части обложки я обнаружил надпись «look at yourself». «Да уж, поистине загадочно,» – подумал я, и вернул её на прежнее место.

Все незнакомые книги выглядели привлекательно, и я решил ухватиться за ту, на которую упал мой взгляд. На корешке значилось «Ганс Цвейг. Электрическая настойка». Я открыл ее и стал пролистывать страницы, изрытые оспинами непонятных символов. На одной из них красовалась фотография каких-то людей, сделанная в синем цвете. Они выглядели как рок-группа. Перелистнув, я увидел точно такое же фото, только пропущенное через красный фильтр, и вдруг резко дернулся от голоса, услышанного за спиной. Он принадлежал Коулу:

– Хэй, ты что, заскучал?

– Э, нет, что ты, – неловко улыбаясь начал я, при этом продолжая листать страницы. Перелистнув целый пласт, я увидел нишу, находившуюся под ними. В книге был тайник с дверкой. Увидев это вместе со мной, Коул продолжил:

– Итак, смотри, всё нужно сделать очень быстро.

Он принялся совершать резкие манипуляции, нагнувшись над книгой, не забирая её из моих рук. В комнате раздавалась какая-то мрачно-веселая музыка, а позади нас сидели все остальные, как всегда оживленно беседуя и смеясь, будто и не замечая нас.

Я проглядел, что именно сделал Коул, когда открыл дверцу книжного тайника, но потом сразу вернул свое внимание. Выскочив из книги, по всему полу с щёлканьем разлетелись и покатались круглые металлические скорлупки с дымящимся оранжевым порошком внутри. От неожиданности я выронил книгу на пол. Нагнувшись за ней, я невольно вдохнул этих испарений... Вот тут-то всё и началось! Я резко испытал странную эйфорию и, одновременно, сильную неуклюжесть. Окружающая реальность поплыла, размазываясь розовым заревом сладкого пара. Это одновременно и пугало и успокаивало. Услышав радостные вопли моих новых друзей, я понял, что все идет как надо. Я стал посмеиваться, ощущая, как меня покачивает на этих теплых волнах серебрящегося нежного тумана. Все происходило быстро и стремительно, но в то же время скорости не существовало. Было одно сплошное удовольствие, раскатывающееся нашим общим смехом по всей вселенной. Не требовалось ни слов, ни знаков для связи со спутниками. С полувзгляда мы понимали, что всем хорошо, весело и комфортно.

Когда всё стало понемногу проясняться, я нашел в себе силы сдержать елейный смех и прокричать на другой конец комнаты:

– Что это за чертовщина?

– Считай, что это транспорт. – изможденно улыбаясь ответила Супербия.

– Приготовься к небольшому путешествию! – добавила Аварития.

И я приготовился. Становилось заметно, что стены превращаются в зеркально-радужные и постепенно становятся прозрачными. Через призрак их стекла стал просачиваться вид хвойного леса приятного сине-зеленого оттенка. Теплый ночной ветер шумел в кронах высоких сосен и от этого они сонно покачивались. Среди веток и стволов мелькали загадочные светящиеся огоньки. Постепенно стало казаться, что лес вместе с огоньками стали ближе. Я почувствовал живость и свежесть пряного запаха ночной природы. Тем временем огоньки уже летали вокруг нас.

– М-м, светлячки! – заметив их, воскликнула Аварития, и ртом поймала одного из них. – Прямо как неоновое драже!

Через несколько секунд к ней повернулась Супербия и протянула с детской завистью в голосе:

– Э-э-эй, я то-о-же хочу-у!

Пожав плечами, Аварития повернулась к Супербии и, наклонившись, прикоснулась к её губам. Они поцеловались и Супербия принялась довольно чмокать полученным светлячком. Какое-то время я наблюдал за ней, о чем-то непринужденно задумавшись. Она заметила на себе мой взгляд и взглянула поверх очков, маня к себе пальцем. Я переместился ближе к ней, где меня ждал горячий поцелуй, на который я с удовольствием ответил. Светлячок оказался у меня во рту, порхая под самым нёбом. Удивившись ощущению, я чуть не поперхнулся, и одним махом проглотил неопознанный летающий объект. Теперь мне стало ясно, что значит чувствовать «бабочек в животе». Светлячок щекотал своими крыльями стенки пищевода и это напоминало слабые электрические разряды. Увидев моё замешательство, Супербия протянула бутылку земляничного пива, из которой я тут же отхлебнул. Прокатившись жужжащей пеной, словно шипучка, жидкость достигла пищевода и щекотка светлячка прошла. Выдохнув, я стал озираться по сторонам. Все так же пребывали в эйфории, полулежа на полу, который, как и стены, пропускал через себя лучи другой реальности. Потолок тоже не отставал от них, и взглянув на него, я увидел чёрный дёготь космоса, светящийся разноцветными точками. Небо блестело и переливалось как смола. Позже оно стало стекать вниз тягучими вязкими струйками. Это ничуть меня не испугало, ведь я уже догадывался о некой условности всего происходящего. Тем не менее, всё это было потрясающе мозгодробительно, и все мы замороженно наблюдали за зрелищем. Всё моё существо расслаивалось на колоду теней, которая эхом пружинила вовне и терялась своими потоками где-то в закоулках вычурного пространства. Отрывистыми частицами отголоски смеющихся голосов моих друзей смешивались с таинственными звуками ночного леса – бессонных птиц и стрекочущих насекомых. Нас освежал едва уловимый вихрь ночного ветра и призрачный свет сумеречных видений. Небо разверзлось, выпуская с зеленоватыми струйками дыма из своего чрева серебриющийся череп холодной луны. Взгляды моих спутников поднялись и остекленели в безмолвной молитве к воцарившемуся светилу. Я же наоборот опустил глаза под ноги, и увидел, что пол с пушистым ковром исчез, как и сама комната. словно в ладьях, мы неподвижно парили на поверхности озера в семи разноцветных гробах, устланных шёлковыми подушками. Они располагались по окружности, как концы телемической гексаграммы. Я возлежал в одном гробу с Супербией. Через несколько мгновений она, не отрывая взгляда от чёрных небес, вытащила у себя из-за спины ситар и завела песнь:

Из холодной бездны
Мира праотцов

Летят на Землю гости
С планеты мертвецов

К нам сюда летит
Холодный, как декабрь
Их готический
Космический корабль

Самозабвенно перебирая струны, она выпускала едва уловимые разноцветные искорки, удаляющиеся гудящими полутонами в ночной тишине. Остальные – Ванаглория, Ира, Ацедия, Инвидия, Лакшерис, Аварития, Джез, Коул и Грейв вторили ей протяжным эхом.

Пока что он далёк
От нас, как мезозой
Он в небе ночном
Мерцает звездой

Зачем они летят
И что они несут?
Может быть они
Всех нас спасут?

Я вглядывался в крошечную гладь. В колкой дымке Млечного Пути было несчетное множество жгучих блестящих точек. Супербия вела песнь об одной из них. Не о той ли, что едва заметно сияет сине-зеленым?

Выдохнув, Супербия замкнула первый цикл своей готической мантры припевом:

Они нам принесут
Горсти своей пыли
Они нам принесут
Сладкий запах гнили

Они уже летят,
Одетые в скафандры
На своей ракете
Цвета саламандры

И снова перебор струн, разящий замерзший космос токсичной психоделией звуков. Из недр векового озера с бульканьем всплыли и полетели вверх наэлектризованные пузырьки. Они слабо блестели в лунном свете, пугая и завораживая своим видом. Между семью точками ночной звезды четыре стихии соединялись воедино благодаря пятой – нашему нетленному духу.

Отвлечшись от пузырьков на созерцание отливающей металлом озёрной глади, я перегнулся за борт. В ней отражалось всё окружающее: наши погребальные ладьи, таинственный лес и космическая бездна ночного неба. Упоенный продолжившимся пением и очарованный увиденными чудесами, я потерял внимательность и равновесие. В один миг оказался в воде с головой, а потом уж и по самую щиколотку. Очарование победило все тревоги, и я добровольно пошел ко дну. Да только было ли оно? В недостижимых пучинах покоилось неиссякае-

мое отражение всего, что выше. Изнутри, как и снаружи, озеро было сплошным параплазматическим зеркалом. Я устремлялся всё дальше от поверхности, а рядом со мной тонули отзвуки песни. Забыв и не думая ни о чем, слившись воедино с поглощающей стихией, я растворился в вечности и сократился до единственной точки. Мой разум окунулся в небытие, но не навсегда...

Сознание вернулось ко мне тогда, когда я уже открывал глаза, лёжа в своей кровати и встречая рассвет туманного утра. Я совершенно не помнил ни конца вечеринки, ни своей дороги домой. Видимо, всему виной был странный мистический транквилизатор, вызвавший все эти видения, а теперь и провалы в памяти. В любом случае, я совершенно не жалел об этом, и даже хотел всё повторить. Только где их теперь искать, моих новых друзей?

Как и после любого праздника, который кончился, оставалась лишь пустота. Эту энергию небытия нужно было направить в своё русло, но я лишь мучительно больно осознавал, что не могу этого сделать. Ведь заглянув за завесу тайны, уже никогда не стать прежним. Превжняя жизнь претила и раньше, но и я всегда знал, что она совсем не моя. Сколько себя помнил, я всегда чувствовал себя персонажем извне, будто посланным сюда злою шуткой судьбы. Только теперь вечное ожидание чего-то неизвестного и яркого стало ещё более томительным. Я бесконечно обвинял себя в том, что не уберёт эту искорку фантастического огня, способного согреть мне душу в вечном экзистенциальном холоде.

После первой встречи с весёлыми проказниками я утонул в пучине дней, не вычлняя из этой однородной, заполненной серостью бездны, ни часа, ни минуты, ни секунды... Я погрузился в бесконечную череду будней, которая засасывала как тряпина, ведущая бесконечно вглубь, к самому сердцу Земли, бесконечно не достигая его. Теперь мысли о возможности следующей встречи с моими новыми друзьями всецело поглотили меня, и я не смел желать ничего иного кроме неё. Я ждал и верил, в то время как мой рассудок снова и снова пьянила рутина и безысходность.

С каждым днём я рисковал погрузиться в тяжёлую депрессию, не сулившую ничего хорошего. Но надежда синей птицей грелась у меня на груди, и остатки здравого смысла разбудили продуктивный творческий эскапизм. Я научился инверсировать затаенный кошмар одинаковых дней с помощью музыки и изобразительного искусства. Эсидрок и готвейв помогали мне визуализировать желаемое увидеть через рисунки, словно они были чем-то вроде хрустального шара. Это было моей маленькой магией, которую я интуитивно познал ещё в детстве. Спонтанно двигая акварельными кистями, я иллюстрировал бумажные листы своим наивным импрессионизмом, изображая мрачных юношей и девушек с разноцветными волосами, бегущими куда-то под пологом ночи. Под фон из эксцентричных трелей я представлял, как бы разделит удовольствие музицирования с теми таинственными незнакомцами из глубин ночного города. Забываясь с каждой нотой, я грезил наяву и видел их, выглядывающих из подворотен и зовущих меня куда-то, раскатываясь inferнальным смехом в темноте дворов. Туда, где словно заклинания на страницах гримуаров, пёстрым потоком украшают дома прозрачные граффити. Где времени нет, и не осталось ничего лишнего, что могло бы помешать моим мистическим переживаниям. Там таились все ключи к загадкам и вещам, о которых я ещё не успел узнать. Оттуда суждено было вырваться неосязаемым линиям новых историй и пленительных образов. Сказочная тьма, скрашенная магией странной музыки звала в ночь и не давала забыть о спрятанных в ней сокровищах. Воспоминания о необычайном опыте давали силу для веры в сиквел. Сердце подсказывало, что нужно успокоиться и немного подождать. Что время не мой враг, а союзник, позволяющий растянуть удовольствие, храня и про-

игрывая в памяти все те мгновения и образы, так внезапно на меня свалившиеся. Я лелеял в себе эти мысли, уступая сладкому чувству помешательства, всё больше забываясь в музыкальном сумасшествии. Через какое-то время я уже почти перестал замечать уродливую бесцветную действительность, которая никак не хотела отклеиваться от изнанки моей сущности. Но окончательно эксгумировать меня могла лишь новая встреча с электрическими странниками – ревнителями редкой красоты и врагами мерклого бытия.

Глава 2

Вечером трудного дня я вышел из дома и решил снова вернуться на пыльные, затянутые дымкой, улицы серого города. Время здесь будто замерло, а то его и не было вовсе. Дорога возникала под ногами и уходила вдаль, а вокруг не было ни души. По крайней мере, так казалось. Иногда кое-где проносились тени, но, скорее всего, это были гонимые ветром обрывки газет. Взгляд бегал по окрестностям холодных стен в поисках за что бы зацепиться, но не наткнулся ни на что, кроме кое-где поблёскивающих неоновых вывесок давно закрытых магазинов. Странно, зачем и почему их оставляют включенными на ночь? Неужто для таких одиноко гуляющих, вроде меня?

Зачем и почему?

На некоторые вопросы нет ответа. Не то что бы это было чьей-то задумкой, просто есть такие вещи и явления, которые просто существуют. Никто и не подразумевал, что некто будет задаваться вопросом о смысле их существования. Никто в этом городе, к примеру, не задается вопросом о том, почему он такой серый и скучный. Наверное, все те, кто родились в нем, просто живут в этой полумертвой, почти бездыханной атмосфере, и не задумываются об условиях, в которых они находятся. Как червь, родившийся под землей, и не знающий чувств, кроме осязания и боли. Но у червей нет мозгов, у них есть лишь нервная система. У жителей этого города были чувства и мозги, но они всё равно жили примитивной жизнью земляных червей, вспахивая, подобно им, окружающее пространство, и пропуская воздух сквозь себя. Лишь очень редкие из них поднимали глаза к небу, чтобы увидеть радугу после дождя. Взгляды большинства почти всегда устремлены себе под ноги. И всё это не смотря на то, что в этом городе строятся космические корабли. Люди, живущие здесь, занимаются делом на задворках тайны, но суть их экзистенциализма диаметрально противоположна этому. Их словно пугали туманные перспективы отправиться далеко-далеко, навстречу звёздам, поэтому они всё больше приземлялись. Вместо того, чтобы убежать от гнетущих реалий рутины и сбежать с этой земли к неизведанному, они всё больше к ней примагничивались, чтобы однажды как можно глубже в неё нырнуть и слиться с ней воедино. Что ж, как писал Антуан де Сент-Экзюпери, «мы все заодно, уносимые одной и той же планетой, мы – команда одного корабля»...

К счастью, я отличался от них. В этом непроглядном тёмном грунте я неустанно искал яркие кристаллики, в которых лишь отражалась обыденность. Это было противопоставлением одного другому, как наш мир и Зазеркалье...

Придя к этому умозаключению, я остановился в задумчивости у зеркального окна одного из заведений, непринуждённо вглядываясь куда-то вдаль, за своё искривлённое отражение. Туда, где была противоположная сторона улицы. Там начинало смутно маячить что-то разноцветное... Что бы это могло быть? Неужели мои грёзы о поиске необычного стали потихоньку претворяться в жизнь? Ой, постойте-ка! Я обернулся и охнул.

Да, моё предположение оказалось верным. По ту сторону дороги от меня шли те самые любители полуночного веселья, с которыми я познакомился однажды вечером. Они шли, подпрыгивали и выкрикивали те же самые строчки:

Эй, незнакомцы,
Пойдёмте гулять!
На крыльях мечты
Под луною летать

Мистикой веет,
Покуда над нами

Аспидно реет
Космоса знамя

Забудьте на вечер
Домашний уют
И звёзды и ветер
Вам песню споют

Шагают в лучах
Пожара Венеры
С дымом в очах
Визионеры

Да, я определённо знал их очень давно, словно тысячу лет... Эти стихи. Хотя, про этих ребят я мог сказать то же самое. Они не смогли бы подарить те незабываемые минуты радости, будь они далеки от меня по духу. Не покидало ощущение, что мы пришли в этот мир одновременно, вместе росли, познавали окружающее, испытывали одни и те же впечатления... И когда я видел их, мою радость можно было сравнить в вдыханием аромата восточных благовоний, наполняющих сладкой истомой всё тело через лёгкие. Кончив углубляться в размышления, я радостно бросился к ним, перескакивая через разделительную полосу. Встав в ряды вечерней процессии Ордена Электрической Настойки, я собрался тоже звать к прогулке в поздний час, но тут все они, прервав смех, повернулись и приветливо воскликнули наперебой:

– О, какие люди!

– Тод, дружище!

– Сколько лет! Сколько зим!

И я воскликнул им в ответ:

– Добрый вечер, озорники! А я уж испугался, что больше вас не увижу.

Я пожал руки юношам и обнялся с девушками. Каждая из них делала это по-своему, потому прикосновение к каждой было особенным. Каждый раз я вдыхал новые ароматы духов, прикасался лицом к их волосам, а руками к тканям их вычурных одежд, таких приятных наощупь. Я испытывал к ним симпатию, которая раскладывалась на гамму их цветов...

– Итак, все в сборе! – объявил Коул. – Тод, поддержишь ли ты наше решение посетить клуб сегодня?

– Даже не знаю. Это так неожиданно. И эта встреча, и этот поход... А что за клуб?

– «Spellbound».

– Не слышал.

– Пошли, тебе понравится!

И мы отправились в указанном направлении. Нам предстояло пройти ещё пару-другую домов по улице Нибелунгов, на которой и произошла встреча. Потом пересекли несколько дворов, и нырнули в зелёные дебри кустарников у железной дороги. В них слышался стрёкот кузнечиков, и иногда взлетали жужжащие стрекозы, которых мы будили, задевая кусты. Они вспархивали к тёмно-синему небу, ощутимо взирающему на нас понимающим взглядом. Всё, как и ранее, тонуло в атмосфере таинственности, а прохладный свежий воздух и ночные ароматы кружили голову и манили куда-то вдаль...

...туда, где должна была произойти кульминационная часть прогулки. Мы были уже совсем близко, минов район, где находился тот самый дом с круглой комнатой. И вот, остановка у закопченной от придорожной пыли и заклеенной рваными афишами стены пятиэтажного здания. Между ним и соседствующим домом тёмная, почти чёрная вставка с крыльцом. Её небольшие габариты означали, что вход ведёт в подвал. Ну а о том, что это клуб, дала дога-

даться надпись SPELLBOUND, сделанная флуоресцентной краской. Что ж, разумно – на то он и ночной, что его видно только ночью. Под надписью таилась старинная чёрная дверь с навесной ручкой. Рядом с ней, на почти таких же чёрных камнях покоились царапины загадочных литер – автографы завсегдатаев клуба или названия групп. А может это были заклинания?

Коул подошёл к двери, схватился за ручку и постучал – два длинных и два коротких удара. Прямо как вступление похоронного марша, неправда ли? Дверь распахнулась, и мы вошли в помещение, усыпанное флюидами холодных цветов, созданных остудить накал грядущих страстей. Оказавшись в прихожей, мои друзья поздоровались с длинноволосым блондином в очках с круглой оправой – почти таких же, как у Супербии. Парень пожал мне руку и представился Цельсием. (Каждый из моих спутников делал почти то же самое – *ставился* Цельсием). Я, в свою очередь, тоже назвал своё имя.

– Что, первый раз здесь?

– Ну да.

– О, это клёвое место, чувак! Тебе тут понравится.

– Охотно верится. – Мы с ним улыбнулись друг другу и все вместе, с моими охочими до зрелищ приятелями, продвинулись дальше по своеобразному коридору. Его стенами служили навесы из кусков различной ткани с психоделическими узорами, вышитыми блестящими нитями. Гипнотизирующие орнаменты пронизывали темы космоса, каких-то причудливых языческих божеств и алхимических символов. Пробираясь сквозь окутанные тканью и расшитые звёздами подземные ходы, мы углублялись всё дальше в катакомбы всеобщей гедонии. На пути к самому сердцу клуба моя фантазия рисовала всё более притягательные картины. Девушки шептались и хихикали. Юноши, как обычно, отшучивались им в ответ, потом давали друг другу «хайфайв» и ещё громче смеялись. Аварития, Девочка С Фиолетовыми Волосами, воскликнула:

– И вот, мы на подходе к самой сути клуба Spellbound, так давайте же оторвёмся сегодня ночью!

– Ну от земли-то точно. – заметил Дип Грэйв.

– С твоей привязанностью вряд ли, даже если опять включат лунную гравитацию. – улыбаясь, ёрничал Джек, обыгрывая имя своего кореша.

– А что, парящая могила, нормально... Как на орбитальном кладбище! – ничуть не усомнился Грэйв.

В конце коридора из ткани нас ждал вход в зал клуба, спрятанный пёстрым занавесом пластмассовой соломки. Мы встали за завесой тайны...

Просторный зал приветствовал нас формой полиграммы с зеркальными стенами. Повсюду струился дым, окрашиваемый проекторами. Играла психоделическая музыка, сыпались искры, со стен и потолка свисало блестящее нечто, похожее на замороженных призраков. Щекотливый момент, когда приветливое пространство торжественно покалечено оргиастическими кристаллами электрического праздника. В свою фазу вступала Синяя Месса, и её приход предвещали странные в своём умопомрачительном стиле парни и девушки в экстравагантных прикидах, с необычайными аксессуарами и макияжем. Если бы их случайно увидел среднестатистический житель нашего серого города, то неминуемо погиб от информационного шока. Это сродни посещению незнакомой земли во время страшно красивого кислотного трипа. Или даже галлюцинаций во время клинической или ещё какой-либо смерти. Все те вещи, которые едва ли воспринимало сознание, настолько непривычны, что ни на что не похожи. И уж в человеческом языке и подавно не найдётся слов для их описания. Впрочем, то же самое я мог бы сказать и о красоте дружных мне девиц из Ордена. И то же самое полыхало на каждом шагу с момента нашего знакомства.

Напротив входа находилась сцена, полукругом от которой стояли столики. На них горели всевозможные лавалампы, а под потолком кружились дискошары в виде планет. Причудливая

публика оживлённо общалась, что-то пила и курила. Напитки в стаканах и огоньки сигарет, как и огни воспламеняющих их спичек и зажигалок, были предсказуемо разноцветны. Заиграла «Strawberry Alarm Clock – Incense & Peppermints». Клуб сразу понравился мне сильнее, ведь это была одна из моих любимых песен. Я быстро проникся атмосферой, стратосферой и экзосферой, пока шёл к большому круглому столу с диваном, стоящим у стены.

– Садись, Тод. Столик зарезервирован специально для нас. – улыбнулась мне Ванаглория, Девочка С Жёлтыми Волосами. В этой призрачной игре дыма и света её причёска отливала золотом.

Мы уселись, я ухватился за стоящую напротив меня бутылку из оранжевого стекла, на которой значилось «Agent Orange. Выжги свою скуку на корню». Отхлебнув из неё, я почувствовал приятное жжение, протекающее по пищеводу. Во рту осталось приятное послевкусие апельсина и перечной мяты, а настроение и впрямь стало воспарять всё выше, хотя я и так отнюдь не скучал. Апатия, уныние, грусть и прочие злобно-тоскливые состояния ассоциировались у меня исключительно с реальностью. Да, я мог использовать это слово лишь применительно к нахождению во времени и пространстве без Ордена Электрической Настойки. С этими ребятами я пребывал в другом измерении, населённом ожившими грёзами, тончайшими переживаниями и отсутствием рационализма. Это и есть сюрреальность.

– Эй, дружище, не налегай на выпивку, прежде чем в неё не добавили немного волшебства.

Грэйв достал из внутреннего кармана своего пиджака прозрачный флакон с искрящейся жидкостью и протянул его к горлышку моей бутылки. Я не стал противиться электрическому яду. Мне напротив, ещё раз хотелось пережить те незабываемые ощущения и галлюцинации. Глотнув из бутылки, я почувствовал приятное покалывание электрических искр по всему телу. Химический состав моей крови изменялся. Зрачки расширились, объекты вокруг меня приобрели иные цветовые оттенки. Звуки и запахи стали ярче и резче. Пространство вокруг, к которому я мало-помалу начал привыкать, открылось для меня под новым углом. Музыка воспринималась по-другому. Как если бы двухмерное изображение стало трёхмерным, только вглубь. Я посмотрел на стол: по его поверхности, которая время от времени становилась не то зеркальной, не то прозрачной, и играла нежно-радужными переливами, плыли и перекатывались круги и фракталы...

– Эй, Тод, ну что ты залип?! – смеясь и улыбаясь обратилась ко мне Ира, Девочка С Оранжевыми Волосами.

– Я... Я тут пытаюсь привыкнуть к состоянию.

– Не нужно ни к чему привыкать, иначе перестанет цеплять.

– Да уж, странно это слышать от тебя... Да и, в прочем, от любого из вас. Сколько вы на этом сидите?

– Целую вечность. Ха-ха, шучу. Так обычно говорят о скучном или неприятном, но тут же всё наоборот. Так что, считай, мы живём вне времени.

Я смотрел в её глаза, которые тоже улыбались, и в них отражалась вся Вселенная. Я видел целую бесконечность сверкающих и переливающихся холодным светом звёзд, скрывающихся в зеленоватых туманностях её радужных оболочек. И в тот самый момент, когда меня уже почти затянуло в пучину чёрных дыр её зрачков, я услышал голос со сцены, начавший декларировать в микрофон и принадлежащий, как оказалось, Цельсию:

– Леди и джентльмены, сегодня ночью на нашей сцене Omega Afterglow! Встречайте!

Публика заплодировала, издавая при этом странные звуки. В музыке они называются дроунами, за то, что как бы тонут, сходя на нет и исчезая в пустоте. На сцену вышло четверо юношей, с коротко стриженными рыжими волосами и в одеждах из блестящей серебристой ткани. Ударник сел за барабанную установку и принялся выстукивать особый звенящий ритм.

Вскоре в игру вступили басист, гитарист и клавирист. Речь вокалиста выпорхнула из его уст стаей летучих мышей:

– Чёрная блестящая маслянистая жидкость с зелёными и фиолетовыми блёстками находится внутри серебряного шприца. Это Эстетика. Непостижимый Идеал. Красивейшая Болезнь. Вколи её в себя, и она превратит тебя в космос.

Космические мальчики завели свою полную скорби по родной планете песнь с привкусом вечности. У них были холодные металлические вечно юные голоса. Прямо как у Зигги Стардаст. От их игры и пения по коже шёл холодок. Видимо, этого они и добивались.

...и грянул прохладный гром тлений свежести. Каждый удар руки о гитарные струны исходил мягким звуком. Он выглядел как мигающая искорками зелёного костра древесина. Пока зелёноогненные звуки раскатывались гулким эхом, как отголоски Большого Взрыва в чреве Вселенной, вступали другие, менее фатальные, более мечтательные. Они возвращали снова и снова к сценам, где каждый, кто их слышал, поворачивал свой внутренний взгляд к условному оконному стеклу. Там он видел самого себя, одиноко стоящего в темноте, смотрящего одновременно и в глаза и нет. И сквозь взгляд, и куда-то за ним. Так чутко осознавая каждое мгновение этого состояния, вызванного замогильными странновесёлыми звуками, как это должно быть на самом деле.

Новые полутона нот смешивались с предыдущими, стремительно набирая силу, как масса реки, летящей к водопаду. Звуки окрашивались из зелёного в синий, летя ателеограммой, сладостно пронзая каждого из наблюдающих за действиями электроокультистов. Зал зачарованно утопал в мистической агонии экстаза, холодно обжигающего изнутри каждого.

За условным оконным стеклом, за спиной копии наблюдающего, маняще раскинулось царство тьмы. В нём таилось очарование неизвестности, вызывающее на дуэль знакомства, где в недрах скрывалась вся окрестная природа, девственная пустота, не знающая пока ещё никого, и тем самым желанная. И где-то там, справа, тот самый Город, зовущий своими огнями в очередной спонтанный водоворот ночных приключений, одурманивающих и возвращающих в этот зал снова и снова.

Пребывая в этом сладостранном состоянии, паря и путешествуя в нём, мы сидели за столиком и общались. Я странствовал вне времени, поэтому мог сколь угодно наблюдать за своими друзьями, разговаривать и погружаться в размышления. Они не были вязкими, я свободно пролетал сквозь них, будто в компьютеризированном космосе. Его звёзды глядели на меня своим электронным шрифтом. Оранжевые цифры кружились в хороводах, комбинируясь в информационные коды галактик...

Очнувшись от иллюзии, я осознал, что разглядываю свои собственные нейронные связи. А лучше сосредоточить внимание на связях случайных. Ведь случайности не случайны. Электроцелуи нечаянны, но током бьют отчаянно.

Отыграв первую тему, Omega Afterglow ненадолго притихли, и их солист произнес в микрофон:

– Приветствую вас, друзья. Это была наша вступительная композиция, «gothikpunxarestillonesotericdrugz». А теперь, как насчет того, чтобы немного потанцевать? – сказав это, он и его коллеги по группе припали руками к своим инструментам и вновь заиграли. Я повернул голову вправо, к сидящим со мною ребятам. Они приняли предложение группы Omega Afterglow и уже вставали из-за своих мест, попутно приглашая дам.

Вообще-то я не особенный любитель танцев. Но у меня было настолько приподнятое, пронизанное мистицизмом клубного полумрака настроение, что я решился. Мой взгляд упал на Лакшерис. Она сидела, одетая в блестящее синее вечернее платье, помешивая соломинкой свой темно-синий коктейль, в котором плавали звезды, планеты с кольцами и кометы. Лакшерис медленно подняла свои глаза и посмотрела на меня из-под чёлки своих синих волос,

плавно опускающихся на плечи. Молнией сверкнула её застенчивая улыбка. Очаровываясь всё больше и поборов смущение, я наклонился и спросил:

– Можно Вас на танец?

– С удовольствием!

Мы взялись за руки и вышли к сцене. Группа играла сонг «Gothic Youth».

Весь день и ночь по кладбищу шатаются толпы
Готическая молодёжь!
Плюются поцелуями в открытый космос
Готическая молодёжь!
Они выходят в окна и глазуют в двери
Готическая молодёжь!
Летят к далёким звёздам и змеиным гнёздам
Готическая молодёжь!

Мы обнялись, плавно покачиваясь под ритмы неведомых галактик, обдаваемые снопами искр. Электрическая настойка усиливала экзотические ощущения, от чего мы воспаряли на крыльях эйфории ещё выше. Пользуясь случаем и видя, что ей так же клёво, как и мне, я поцеловал Лакшерис. Мои губы прикоснулись к её, и она ответила на поцелуй. Наши языки встретились и сплелись, а в моей голове крутились всевозможные голографические образы. Я будто плыл по течению какой-то странной реки, в русле которой плескалась отнюдь не вода, а нечто плазматическое или параплазматическое, может даже газообразное... Нечто не было статичным. Я чувствовал, как его тёплые струящиеся розовые волны, искрящиеся многочисленными блёстками, качают меня. Вдруг это и была та самая электрическая настойка? Долгий поцелуй прервался, мы смущенно заулыбались и опустили глаза. Я обнял Лакшерис, и, покачиваясь в танце, принялся разглядывать других танцующих. Все они описывали фигуры в воздухе своими руками и ногами, кто-то один, кто-то в паре. Среди парочек я разглядел Дджеза с Ванаглорией, Коула с Ирой, Грейва с Супербией, Ацедию с Аваритией и Инвидию, танцующую с Цельсием. Всё и вся покачивались в такт с ритмом звучащей со сцены музыки. Песня кончилась, парочки разъединились. Я поблагодарил Лакшерис:

– Спасибо тебе за танец.

– И тебе...

Вся компания вернулась за столик. На нём появились новые напитки. Я взял один из них и спросил у сидящей рядом Лакшерис:

– Что это?

– Это энергетик «Реальность».

Я взглянул на жестяную банку повнимательнее и увидел слоган: feel so real. Это напомнило строчку из какой-то песни, но да ладно. Я покрутил банку в руках и ответил:

– Как известно, реальность опьяняет, но отнюдь не в позитивном ключе, вовлекая в бродячую кому и духовную стагнацию. Короче говоря, не хочу, чтобы меня попустило. Пошли лучше в бар и возьмём что-нибудь другое.

Мою спутницу не пришлось упрашивать, и мы отправились к стойке, уставленной всевозможными ёмкостями с коктейлями, что придавало ей вид стеллажа из какой-нибудь ведьминской лавки. Мой взгляд бегло прошёлся по выставленному меню с причудливыми позициями. «Наше пиво холодное, как могила твоей бывшей». Вместо привычного коктейля «B52» был «C93», «Godka» вместо «Vodka». Циановая Лагуна, Техно Экстази, Смерть на Пляже, Фиолетовый Траур и многое другое.

Я подозвал бармена с волосами цвета осминожьей крови, одетого в бордовую куртку, и сказал:

– Два «Готических Оргазма», пожалуйста.

На что он конечно не мог не пошутить, что лучше бы я попросил об этом свою спутницу. Она на удивление не смутилась, и издала смешок. Бармен наполнил бокалы чёрной жидкостью и вручил нам. Я взял свой и, чуть приподняв, сказал «за нас», после чего мы оба сделали по глотку. Лакшерис достала из сумочки сигареты марки «Foggy Dew» и закурила. Выдохнув колечко лазурного дыма, она спросила:

– Как твои психодела?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.